

КОРОТКИЙ РАЗГОВОР О ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ (ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ)

А. А. Фаустов, С. В. Савинков

Филологический факультет Воронежского государственного университета,
Воронежский государственный педагогический университет

Abstrakt: Autori predloženej štúdie – každý osobitne – sa zaoberajú iba jednou zložkou tradičnej filológie, a to literárnou vedou. Skúmajú užitočnosť literárnej vedy v zmysle „the best of“ a v tomto zmysle zdôrazňujú prínos veľkých Rusov, najmä М. Bachtina, J. Lotmana, D. Lichačova a S. Averinceva. Na príklade rusistiky na Západe prezentujú význam spoločenskej a politickej objednávky, ponuky a dopytu. Na otázku, čím sa vlastne literárny vedec zaoberá a aký je význam jeho disciplíny, odpovedajú tak, že ide o funkciu osobitného sprievodcu čitateľa po literárnom artefakte a jeho pluralitných interpretáciach.

Ключовые слова: význam literárnej vedy ako súčasť filológie, prínos veľkých Rusov – М. Bachtina, J. Lotmana, D. Lichačova, S. Averinceva, literárna veda ako šport a „the best of“, skúsenosť rusistiky na Západe, problém užitočnosti literárnej vedy, zmysel práce literárnych vedcov

Abstract: The authors of the present study – each separately – deal with only one component of traditional philology, namely literary criticism/scholarship. They investigate the usefulness of literary criticism/scholarship in the sense of “the best of” accentuating the contribution of great Russians, especially М. Bakhtin, J. Lotman, D. Likhachev, and S. Averintsev. At the example of Russian studies in the West they present the significance of the social and political order, offer, and demand. The question what the literary critic/scholar actually deals with, and what significance their discipline is, was answered in the following way: it is the function of the readers’ guide of the literary artefact and its pluralistic interpretations.

Keywords: the significance of literary criticism/scholarship as part of philology, the contribution of great Russians – М. Bakhtin, J. Lotman, D. Likhachev, S. Averintsev, literary criticism/scholarship as sport and „the best of“, experience of Russian studies in the West, the problem of usefulness of literary criticism/scholarship, the sense of the work of literary scholars/critics

I. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И СЕГОДНЯШНЯЯ ЖИЗНЬ (А. Фаустов)

Жаловаться на свою эпоху – любимое занятие людей во все времена, а русский человек, русский интеллигент в особенности питает к этому почти

болезненное пристрастие. Что же тут говорить об отечественном гуманитарии, который, можно сказать, является профессиональным плакальщиком, которому плохо всегда.

Но сейчас (так, по крайней мере, кажется) дело с литературоведением, да и с филологией в целом обстоит у нас как-то совсем печально. Иногда даже создается впечатление, что науку о слове и словесности решили просто ликвидировать, оптимизировать, как это называется на теперешнем слегка людоедском жаргоне: урезать до нуля бюджетные наборы в вузы на филологическое направление, отправить вузовских преподавателей, оставшихся не у дел, в школы и т.д. (что явно напоминает мягкую версию культурной революции – новых хунвейбинов еще только пока нет). А когда что-то хотят уничтожить, всегда отыскивается «множество причин» (как пел когда-то Высоцкий), масса самых что ни на есть благовидных – частью реальных, частью мифических – предлогов: и демографическая яма, и невостребованность филологов, и финансовый кризис, и т.д. К тому же (и это действительно факт, и не только российской жизни) чтение – как социальная привычка и как мода – отодвинулось на задний план. На меня некоторое время тому назад большое впечатление произвело начало рекламного плаката на одном из воронежских книжных магазинов: «Если вы решили купить книгу...». Покупка книги (в показательном единственном числе) преподносится здесь как какая-то однократная и даже рискованная акция. Неудивительно, что уровень начитанности современных студентов-филологов (в среднем, конечно) стал едва ли не на порядок ниже того, который был даже в 90-е годы, не говоря уже о более ранней эпохе.

Поменялся в последние десятилетия и сам облик литературоведения, причем опять-таки в общемировом масштабе. Западное литературоведение (и это тоже плата за выживание) почти без остатка растворилось, с одной стороны, в различных *cultural studies*, культуральных исследованиях, в которых литературе отводится периферийная роль одного из медиа, а с другой – во всевозможных когнитивистских штудиях, питающихся заимствованиями из целой серии наук, изучающих человеческое мышление. Первая из этих тенденций набирает силу и в отечественном литературоведении, начиная с 90-х годов. Работы очень многих из тех, кто считает себя принадлежащим к российскому филологическому истеблишменту, отличаются подчеркнутым позитивистским, «антифилософским» пафосом – зачастую своеобразным социологизмом (в новейшей его редакции), который когда-то у нас пытались активно преодолеть.

Все это сказалась и на общественной репутации литературоведов. В свое время такие имена, как Бахтин, Лотман, Лихачев или Аверинцев (специально называю фигуры разнородные) были у всех на слуху, даже

если ученых этих на самом деле и не читали или читали, но не понимали. Не то чтобы крупные филологи совсем перевелись, но они перестали быть, как теперь принято выражаться, медийными лицами. Сейчас все прекрасно знают спортсменов или предпринимателей, тем более – актеров или политиков (каждый может подставить имена по своему выбору), но, боюсь, даже филологи задумаются, если спросить их, кого должно числить под первыми номерами в российском литературоведении (при условии, что вопрошаемые вежливо умолчат о самих себе).

II. ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ РУСИСТИКИ

(А. Фаустов, С. Савинков)

Особенно не повезло при таком и вообще невыгодном для литературоведения раскладе русистике. На Западе (и это началось вскоре после завершения «холодной войны») внимание к ней постепенно падало, что проявилось и чисто внешне – в сокращении финансирования, в закрытии многих отделений славистики (или в их перепрофилировании с русской на другие славянские литературы и культуры) и т.п. Но самое парадоксальное, что и у нас в стране в последние годы русистика тоже оказалась в непрестом положении. На фоне не только лингвистов, но и тех, кто занимается современными и древними зарубежными литературами, русисты выглядят бедными родственниками. И здесь сошлось сразу несколько неблагоприятных факторов.

Один из них в основе своей – языковой. Русский язык практически не представлен в мировых филологических публикациях, поэтому для русистов (если они интенсивно не печатаются по-английски) почти закрыт доступ к западному читателю. (Заметим в скобках, что эта проблема – не только российская. В последнее время все большее число филологических работ в Германии или, к примеру, в Голландии выходит на английском языке: всесветного отзыва хотят все.) А при теперешнем усиленном культивировании у нас оглядки на всевозможные зарубежные рейтинги это означает, что русисты заведомо обречены на низкие баллы, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и материальными (они, судя по всему, вскоре будут закреплены в вузах при расчете «эффективных контрактов» и получают свой денежный эквивалент). Кстати, весьма любопытно, что даже российские рейтинги (вроде Российского индекса научного цитирования) у литературоведов в целом и русистов в особенности на порядок ниже, чем у тех, кто занимается естественными науками, и существенно ниже, чем у лингвистов. Отечественные литературоведы не слишком любят цитировать друг друга.

Другой фактор – общекультурный. Согласно распространенной на Западе точке зрения, наша русистика замкнута на самой себе, провинциальна, и такой скепсис отчасти справедлив. В силу всем хорошо известных исторических обстоятельств развитие отечественного литературоведения в 30-е годы надолго остановилось (советская семиотика – едва ли не единственное, что за полвека с лишним возникло в такт с развитием западного гуманитарного знания). И этот провал в традиции до сих пор дает о себе знать. Но как бы то ни было, иностранные и отечественные русисты говорят до сих пор во многом на разных научных языках, что опять же не слишком способствует интересу друг к другу и полноправному вхождению наших литературоведов в европейский гуманитарный дом.

Но дело не только в такой неудачной конъюнктуре. Отношение к литературоведению со стороны общества почти всегда было подозрительным. В эпоху тотального государственного контроля литературоведы были такими же проводниками политики партии и правительства, «инженерами человеческих душ», как и те, о ком они писали, только еще более идеологически подкованными.

В советскую эпоху метафора «книга – учебник жизни» станет важнейшей идеологической парадигмой в сфере воспитания и образования. Советская поэзия приложит все усилия к тому, чтобы сформировать уже детское сознание в «правильном» направлении. Такой обласканный властью поэт, как Сергей Михалков, напишет: «Книг заветные страницы / Помогают людям жить, / И работать, и учиться, / И Отчизной дорожить. / Наша книга детская – / Детская, советская, / Смелая и честная – / Верный друг ребят!». Можно сказать, что слова популярной в ту эпоху песни-гимна «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» были осуществлены, но осуществлены особенным образом. Сказка стала былью не потому, что воплотилась в реальности, а потому, что она эту реальность собой заместила.

III. ДЛЯ ЧЕГО СУЩЕСТВУЕТ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ?

(А. Фаустов)

Если исключить такую – губительную по своим результатам – попытку придать литературоведению видимость социальной респектабельности и благонадежности, оно всегда вызывало впечатление чего-то совершенно бесполезного, сводящегося к пустой (а то и откровенно вредной) болтовне, непригодного не только к использованию в промышленности и сельском хозяйстве, но и не вполне серьезного даже в семье других наук. Еще в середине 60-х годов крупнейший отечественный гуманитарий Юрий Михайлович Лотман опубликует известную статью «Литературоведение

должно быть наукой». Отвлекаясь сейчас от обсуждения места этой небольшой полемической работы в сложной и противоречивой системе взглядов ученого, скажу, что внутренняя ее логика сводилась, в максимальном упрощении, к следующему: есть идеальная наука – математика, есть современная лингвистика, уже осознавшая это и сделавшая для себя соответствующие выводы, а есть литературоведение, которому подобное обращение, по большому счету, еще только предстоит.

И действительно, для чего существует литературоведение? Меня долгое время совершенно ставил в тупик стандартный – и вполне невинный сам по себе – вопрос, заданный каким-нибудь знакомым не из филологических кругов (впрочем, такой вопрос мог прозвучать, к примеру, и из уст лингвиста): «Чем Вы, собственно, там занимаетесь?». Возможный набор ответов, которые приходят в голову, весьма ограничен и не слишком выразителен.

Кто такой этот литературовед? Тот, кто много всего знает о разных писателях, кто держит в памяти все даты рождения и смерти, имена авторов и их персонажей и способен красочно пересказать со всякими пикантными подробностями биографию писателя, а вдобавок к ней и те истории, которые вышли из-под его пера? Но для этого совсем не обязательно быть профессиональным филологом – многие сочинители справлялись с такой задачей ничуть не хуже. Больше того, можно сослаться, скажем, на такого крупнейшего литературоведа, как Тынянов, который, написав не одно исследование о Кюхельбекере, Грибоедове и Пушкине, потом, как будто не удовольствовавшись этим, посвятит этим писателям по биографическому роману.

Более весомый ответ (канонизированный одним выдающимся отечественным гуманитарием) гласит, что филология – это «служба понимания». И как будто бы на самом деле литературовед может легко оправдаться в глазах приближающихся к нему с вопросами и укоризнами тем, что он учит читателя разбираться в текстах – особенно в таких, которые далеко отстоят в культурном времени и пространстве. Кто, кроме филолога, сможет, к примеру, растолковать, как изменяются со временем значения слов, имеющих хождение до сих пор, или объяснить смысл тех культурных реалий, которые запечатлены в тексте, или разъяснить, как изменялся замысел писателя по мере создания произведения. Миссия вполне достойная, даже возвышенная, и несложно вдобавок сослаться на замечательные примеры книг, выдержанных в таком просветительском духе и при этом несколько не грешащих против идеала научности, – вроде «Бесед о русской культуре» того же Лотмана или «Занимательной Греции» Михаила Леоновича Гаспарова. Однако эти аргументы слегка повисают в воздухе. Очевидно, что число читателей, которые, решив взять в руки

«Евгения Онегина», вооружаются комментариями Лотмана или Набокова, настолько ничтожно, что вряд ли превышает величину статистической погрешности при социологических опросах. К тому же мало к каким произведениям удобные комментарии написаны, а представить себе нефилолога, изучающего, скажем, лотмановскую монографию об «Онегине», и вовсе почти невероятно. В основном читают на свой страх и риск, не заглядывая в ученые труды, которые – и это можно утверждать с уверенностью – пишутся для специалистов, для коллег (точнее, для тех из них, которые пожелают твой опус прочитать). Так что здесь если и можно о чем-то говорить, то об эффекте дальнего действия, о таких усилиях понимания, которые приносят косвенные плоды, поддерживая в обществе хотя бы какой-то уровень взаимопонимания и толерантности.

Но если вынести за скобки эти дальние цели и отбросить такие понятные общечеловеческие мотивы, как банальное тщеславие, желание выглядеть умнее, чем писатель и собратья по цеху, и т.п., тогда остается без ответа близкий по сути вопрос – зачем все-таки некоторые люди обрекают себя занятию литературоведением?

IV.1. ЗАЧЕМ ЗАНИМАТЬСЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕМ?

(С. Савинков)

Литературоведение – своеобразная деятельность, а литературоведы – своеобразные люди. Не раз слышал: «Откуда Вы знаете, что он (тот или иной писатель) хотел сказать именно то, что говорите об этом Вы? Выдумали Вы все это». И в этом случае достаточно трудно объяснить, что твоей целью было не что-то выдумать, а нечто совсем другое.

Как это бывает? Есть периоды, когда ты живешь обычной жизнью: работаешь, занимаешься хозяйственными делами, всякими насущными проблемами. В это время тебе и самому начинает казаться, что литературоведение, как и литература, есть занятие, отвлекающее от действительной жизни. Но есть и другое время – когда в своем существовании ты открываешь другое измерение. Вот тогда ты перестаешь жить обычной жизнью: ты по-прежнему совершаешь действия, похожие на действия обычного человека, но они становятся чем-то для тебя внешним, твое же внутреннее движение – движение в пространстве чистого смысла, которое открывает для тебя литература.

С этого все начинается. Но нельзя думать, что от тебя не требуется никаких усилий. Для того чтобы проникнуть в пространство смысла и освоиться в нем, нужно многое: нужно владеть своеобразными ключами, которые дадут тебе возможность открыть потаенные дверцы, нужно

обладать волшебным фонарем, который поможет тебе осветить таинственные темные углы, нужно запастись компасом, который позволит тебе ориентироваться в заповедном пространстве, и нужно иметь интуицию, с помощью которой можно будет найти выход из лабиринта. Одним словом, нужно владеть знаниями о том, как устроен и как функционирует текст, – современной литературоведческой технологией. И нужно затратить много энергии, чтобы эта технология ожила в твоих руках.

«Ну, хорошо, – скажут тебе, – Вы что-то поняли, но поняли исключительно для себя. Никому от этого ни холодно, ни жарко».

Что это совсем не так (хотя и «для себя» тоже не очень мало), ты в полной мере понимаешь тогда, когда начинаешь вести за собой других (профессия преподавателя к этому обязывает), но вести так, чтобы те, кто за тобой идет, знали бы, что ты рядом, но при этом выбирали путь самостоятельно. Удивительное дело: иногда даже в очень неподготовленной аудитории возникает особая атмосфера интеллектуального доверия и душевного родства, генерирующая чувства удивления, радости и даже восхищения. Это происходит тогда, когда на глазах у всех совершается чудо открытия смысла.

Литературоведение учит смотреть на литературу как на сокровищницу смыслов, которые открываются только тогда, когда благодаря душевным и интеллектуальным усилиям одно слово начинает сопрягаться с другими словами, один текст – с другими текстами и с тем, что его окружает – с современностью и историей, а в конечном итоге – с тобой самим. Открытые тобой смыслы позволяют определить координаты существования не только «твоего» текста (который ты сейчас держишь перед глазами) в пространстве литературы, но, может быть, прежде всего – координаты существование твоего «я», и не в социальном, а в особом – ментальном – измерении культуры.

IV.2. ЗАЧЕМ ЗАНИМАТЬСЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕМ?

(А. Фаустов)

Настоящее литературоведение – полная противоположность той науке, которую зачастую (бывают, конечно, и счастливые исключения) преподают в школах под вывеской «русской литературы», убеждая учащихся в том, что все на свете известно заранее и что единственная их задача – угадать это заранее известное, а потом еще отыскать в тексте пресловутые средства изобразительности и выразительности, якобы пущенные писателем в ход.

В действительности сама литература занимается прежде всего тем, что создает новые миры – альтернативные, возможные, как это называется в работах ряда литературоведов, адаптировавших логический понятийный аппарат к своим нуждам. При этом, изобретая такие миры, литература не просто порывает с правдоподобием, с имитацией реальности – она еще отбрасывает те принципы, на которых базируется обыденное общение между людьми, предполагающее соблюдение различных правил речевой кооперации – вроде запрета говорить то, что является ложным, избегать в своих высказываниях избыточности и неоднозначности и т.д. Литература позволяет человеку рассказывать небылицы, вводить ближнего в заблуждение и не нести за это никакой ответственности – ни юридической, ни моральной, а главное – дает возможность обрести независимость от самого себя, от унылого совпадения со своим собственным «Я». Постоянно расширяя горизонт реальности, литература производит свободу, и литературоведение – как раз та наука, которая подхватывает эту эстафету свободы. Наверное, таково призвание не только литературоведения, но и любого гуманитарного знания. В одном из последних интервью замечательный французский мыслитель Мишель Фуко, которого я очень люблю, скажет (позволю себе длинную цитату): «...истина – это не только способ расшифровки мира (и, возможно, то, что мы называем истиной, вообще ничего не расшифровывает), но если я познаю истину, я изменюсь <...> Вот почему, когда люди говорят: “Несколько лет назад Вы думали одно, а теперь говорите другое”, я отвечаю: “Неужели вы считаете, что я работал все эти годы, чтобы говорить одно и то же и не меняться?”. Эта трансформация себя посредством знания... близка эстетическому опыту. Зачем художнику работать, если его живопись не меняет его самого?». Но, вне всякого сомнения, литературоведение среди всех гуманитарных наук – по преимуществу именно такой опыт свободной трансформации себя. И подобное пребывание в свободе – то главное, что делает занятие литературой столь подозрительным для любого, а особенно зараженного вирусом политического и духовного фундаментализма общества.

И к этому базовому устремлению литературоведения чем дальше, тем больше добавляется еще одно – потребность в обретении свободы от информации, которой в памяти культуры с каждой минутой становится все больше и которой накопилось уже так много, что ориентироваться в ней зачастую практически невозможно. Уже сейчас невозможно, к примеру, прочитать все, что было написано только об одном каком-нибудь классическом произведении. Можно, конечно, потратить годы, изучая то, что было сказано на разных языках о шекспировском «Гамлете» или о пушкинском «Евгении Онегине», но после этого, боюсь, написать что-то от первого лица будет весьма затруднительно. И это проблема, решение

которой не лежит на поверхности. Так что, как можно предположить, в квалифицированном просеивании и обобщении информации вскоре и будет заключаться основная задача тех, кого традиционно все еще именуют библиотекарями и с кем традиционно – и вполне несправедливо – связывается ряд довольно унылых ассоциаций. Недаром соответствующее направление в официальном реестре профессий, которым обучают в высшей школе, очень точно (случай редкий) обозначено как библиотечно-информационная деятельность. Мы уже вплотную приблизились к ситуации, когда библиотекари будут заниматься не тем, чтобы отыскивать книги на полке, а поиском в потоке информации того, что пригодится или просто придется по вкусу не слишком искушенному, но любопытствующему читателю или, если угодно, потребителю информации. А без литературоведов – этих «рыцарей свободы» (если воспользоваться самохарактеристикой Бердяева), которые учат понимать чужие смыслы и чужие тексты, не навязывая им своей логики, воспитать такого путешественника по плюралистической информационной вселенной будет невозможно.

Иными словами, скажу в заключение нашего короткого разговора, если бы литературоведы в один прекрасный момент исчезли из какого-то сообщества, это, скорее всего, не огорчило бы никого, кроме их родных и друзей (да и то не всех). Однако через некоторое, не слишком продолжительное время мы наверняка стали бы свидетелями не просто падения в таком сообществе речевой и культурной грамотности (которая, разумеется, важна и сама по себе), но распространения страха перед творческим воображением, а главное – утраты иммунитета от всякого рода тоталитарных или, в лучшем случае, меркантильных ценностей, от соблазна обменять свою свободу на удобное место среди тех, кто всегда готов сказать любой приступающей к нему силе «да».

Фаустов Андрей Анатольевич
доктор филологических наук
профессор, заведующий кафедрой русской
литературы филологического факультета
Воронежского государственного
университета
Россия
394018, город Воронеж
площадь Ленина
дом 10
Филологический факультет Воронежского
государственного университета
aafaustov@list.ru

Faustov Andrej Anatoljevič,
doktor filologických vied, profesor
vedúci Katedry ruskej literatúry Filologickej
fakulty Voronežskej štátnej univerzity
Filologická fakulta Voronežskej štátnej
univerzity
Leninovo námestie
dom 10
394018 Voronež
Rusko
aafaustov@list.ru

Савинков Сергей Владимирович
доктор филологических наук
профессор кафедры теории, истории и
методики преподавания русского языка и
литературы гуманитарного факультета
Воронежского государственного
педагогического университета
394043 Россия
г. Воронеж
ул. Ленина 86
и
кафедры истории журналистики и
литературы факультета журналистики
Воронежского государственного
университета
394051 Россия
г. Воронеж
ул. Хользунова, 40 а
корпус 6.
svspoint@yandex.ru

Savinkov, Sergej Vladimirovič
doktor filologických vied
profesor Katedry teórie a metodiky výučby
ruského jazyka a literatúry Humanitnej
fakulty Voronežskej štátnej pedagogickej
univerzity
Leninova ulica 86
394043 Voronež
Rusko
а
Katedry dejín žurnalistiky a literatúry Fa-
kulty žurnalistiky Voronežskej štátnej uni-
verzity
Cholzunovova ulica 40, korpus 6
394051 Voronež
Rusko
svspoint@yandex.ru